Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 6, Теология Кальвина

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «От Реформации до наших дней». Это сессия 6 по теологии Кальвина.

Итак, мы продолжим. Давайте помолимся, а затем начнем.

Наш милостивый Господь, мы снова останавливаемся, начиная еще одну неделю, и мы благодарны за это, и мы благодарны в предвкушении того, что мы хорошие учителя друг для друга, что мы учимся друг у друга и пытаемся понять этот материал и как бы применить его к нашим собственным сердцам и жизням и проработать его таким образом. Мы благодарим людей, которые верны вам, верны Писанию, верны вашей церкви, телу Христову здесь на земле; мы благодарны за них.

Такие люди, как Жан Кальвин, — это те, о ком мы сейчас говорим. И поэтому мы молимся, чтобы вы были с нами не только в этих обсуждениях в этом классе, но и на всех наших занятиях сегодня и в течение всей недели, и на всех мероприятиях, которые происходят в Гордоне, и чтобы тело Христа было укреплено этим, но также и чтобы мы были укреплены как личности для нашего обучения, для нашего общения друг с другом, для нашей общественной жизни, чтобы вы помогали и содействовали нам в этом виде роста, в этом виде зрелости. Итак, с благодарностью в наших сердцах за начало этой недели, мы благодарим вас и молимся об этом во имя Христа, нашего Господа. Аминь.

Хорошо, ну что ж, надеюсь, у вас была хорошая неделя, и мы как раз там, где должны быть. Это лекция вторая, Теология Жана Кальвина.

Итак, мы сделали жизнь Кальвина, а затем мы сделали его работу. Мы говорили о том, что было важно в его работе, а затем мы говорили о его теологии. Так что, просто напоминание, потому что мы не были вместе несколько дней, но просто напоминание, мы сделали довольно длинное введение о его теологии, и особенно важно здесь отметить институты и почему институты, как они сформировались и сформировались, но также что информировало его и что, как он формировал институты и так далее.

Итак, мы немного поговорили об этом. То, что мы пытаемся сделать, это попытаться разобраться с теологическими вопросами, по которым он не соглашался с Римско-католической церковью. Помните, Римско-католическая церковь не выгнала его, как Лютера.

Он оставил Римско-католическую церковь по собственной воле и перешел в реформаторское движение и так далее. Но были определенные вопросы, определенные вещи, с которыми он не соглашался, и одна из них — их доктрина человечества. Мы говорили об этом.

Второе — это учение о Боге, их понимание Бога. Мы говорили об этом. Третье — это понимание церкви.

Если бы вы могли мне напомнить, в понимании церкви, я думаю, последнее, что мы должны были сделать, это поговорить о служении церкви. Мы говорили о призвании, не так ли? И мы говорили о священстве всех верующих. Мы провели различие между этими двумя вещами.

Это верно? Все поняли? А потом мы говорили о том, как он относился к служителю, к тому, кто был служителем по призванию. Он высоко ценил эту роль и так далее. По сути, было две должности: должность пастора-учителя и должность дьякона.

Мы это упоминали? Мы это упоминали. И на этом мы закончили. На этом мы закончили.

Хорошо. Это приводит нас к тому, что мы все еще находимся под номером четыре, доктрина церкви, и это приводит нас к таинствам. Итак, мы находимся под церковью, и ему приходится иметь дело с природой таинств, когда он говорит о церкви.

Итак, на этом закончим, а затем перейдем к предопределению и двум царствам. Хорошо, давайте поговорим о таинствах. Первое, что Кальвин отрицал, это семь таинств Римско-католической церкви.

Мы увидим, когда дойдем до Тридентского собора в следующей лекции, что церковь к настоящему времени уже в значительной степени остановилась на семи таинствах. А Кальвин отрицал, что было семь таинств. Кальвин сказал, что есть два таинства.

Есть таинство крещения, и есть таинство Вечери Господней. Это два таинства. Теперь, почему он сказал, что есть только два таинства? На основании чего? На основании Библии.

На основании Писания он не нашел в Библии обоснования для остальных пяти таинств. Он нашел обоснование только для этих двух. Поэтому он сразу же начинает, в некотором смысле, спорить с церковью по поводу количества таинств.

Теперь, мы также должны отметить, что в отношении таинств, был один человек, с которым он не соглашался, когда дело касалось таинств в реформатской традиции, протестантской традиции, и это был Цвингли. Он собирается занять промежуточную позицию в отношении таинств. Он в основном собирается занять промежуточную позицию между римско-католическим представлением о таинствах, и особенно о Вечере Господней, и представлением Цвингли о таинствах, особенно о Вечере Господней.

Цвингли был протестантом, поэтому он верил в крещение и Вечерю Господню. Но с римско-католической стороны, с цвинглианской стороны, Цвингли считал таинства символическими. Это символы.

Мы крестим как символ. Мы даем Вечерю Господню как символ. Но они были символическими. В каком-то смысле они были только символическими.

Кальвин не верил в это. Кальвин верил, что в крещении и Вечере Господней происходит нечто большее, чем просто то, что крещение и Вечеря Господня символизируют что-то. Здесь происходило нечто гораздо большее.

Итак, он спорит с Цвингли. Конечно, также, когда дело касается Римско-католической церкви, когда дело касается Вечери Господней, он спорит с Римско-католической церковью, потому что в Вечере Господней, в то время как Цвингли считал, что это было просто символично, Римско-католическая церковь учила, что Евхаристия на самом деле была телом и кровью Христа. Это было буквально тело и кровь Христа.

Когда священник в каком-то смысле благословлял его, он становился телом и кровью Христа. Кальвин не мог поверить в это о Евхаристии. Так вот, это называется пресуществлением.

Мы уже говорили об этом, но пресуществление — это когда субстанция фактически превращается в тело и кровь Христа. Римско-католическая церковь учила, что акциденции остаются теми же. И акциденции внешние: пахнет хлебом, имеет вкус хлеба, выглядит как хлеб, пахнет вином, имеет вкус вина, выглядит как вино.

Это случайности. Это внешний вид хлеба и вина в римско-католической теологии. Это внешний вид хлеба и вина.

Но его сущность изменилась, и его сущность стала телом и кровью Христа. Итак, то, что делает Кальвин, это занимает промежуточную позицию, в некотором смысле, потому что, насколько он обеспокоен, есть еще одно слово, о котором мы, вероятно, говорили или упоминали ранее, и это слово схоластика.

Насколько он обеспокоен, это римско-католическое понятие пресуществления исходит из схоластической философской традиции.

Он не считал пресуществление библейским. Поэтому он считает, что это своего рода, опять же, еще один пример простого философского обоснования какой-то библейской доктрины. Итак, Кальвин рассматривает крещение и причастие, но занимает промежуточную позицию, безусловно, между Цвингли и римскими католиками.

Теперь позвольте мне упомянуть каждого из них, если я смогу. Что касается крещения, для Кальвина крещение — это посвящение в новую общину. Вас принимают в новую общину.

Вы приняты в тело Христа здесь, на земле. Крещение — это не просто личный опыт для Кальвина. Это опыт для общества, потому что это общество, которое окружает вас и заключает заветы воспитывать вас по образу Христа и т. д.

Итак, крещение было очень важно для Кальвина, и это был этот обряд посвящения. Теперь, когда дело доходит до Вечери Господней, он занимает нечто среднее между Цвингли и Лютером, когда дело доходит до Вечери Господней. Опять же, для Вечери Господней, для Цвингли, это всего лишь мемориал.

Это только символично, не для Кальвина. Для Кальвина здесь происходит что-то очень важное.

Христос присутствует на Вечере Господней для Кальвина. Хорошо. Теперь, чем это отличается от Лютера? Лютер учил этому на Вечере Господней, и некоторые из вас, возможно, не знают всех своих традиций.

Некоторые из вас могут быть лютеранского происхождения. Возможно, так оно и есть. И если у вас лютеранское происхождение, вы это знаете, или должны это знать.

Но Лютер учил, что когда вы принимаете Вечерю Господню, Христос сходит с небес и пребывает с вами в этом действии принятия Вечери Господней. Итак, он присутствует. Он полностью присутствует.

Для Лютера реальное присутствие Христа на Вечере Господней. Хорошо. Кальвин приходит и говорит, ну, я не согласен с Цвингли.

Это не просто мемориал. Это не просто память. Что-то действительно происходит.

Но с другой стороны, я не соглашусь с Лютером в этом. Причина, по которой я не соглашусь с Лютером, в том, что Христос по-прежнему, с точки зрения Кальвина, сидит по правую руку от Бога Отца. Поэтому вы не можете иметь Христа по правую руку от Бога Отца и также иметь его каждый раз, когда совершается Евхаристия или совершается Вечеря Господня.

Так вот, это не так, сказал Кальвин. Итак, когда дело доходит до Вечери Господней, вот во что верил Кальвин. Кальвин верил, что Вечеря Господня переносит вас в присутствие Христа.

Теперь вы не можете рассуждать об этом. Вы не хотите быть схоластом и говорить: «Я собираюсь рассказать вам, как именно это происходит». Но для Кальвина, когда вы принимаете Вечерю Господню, вы каким-то образом находитесь в присутствии Христа, потому что вы были взяты в это присутствие.

Итак, он занял нечто среднее между реформаторами. Он занял нечто среднее между Цвингли; это только мемориал, а Лютер и Христос спустились. Кальвин сказал: нет, я буду стоять здесь посередине.

Я скажу, что вы приняли Христа, но мы не можем это определить. Но вы верите в это верой. Так что, эти два таинства были действительно важны для Кальвина, без сомнения.

Итак, он не согласен с Римско-католической церковью в плане числа, не согласен с Римско-католической церковью в плане всего дела пресуществления и в каком-то смысле перекраивает то, что такое крещение и что такое Вечеря Господня. Хорошо, вот его понимание церкви, всех этих вопросов о церкви, о церковной жизни. Есть ли какие-то вопросы по этому поводу, о его мыслях о церкви и жизни церкви, церковных службах, таинствах церкви или о подобных вещах? Есть вопросы? Да.

Да. Для Кальвина крещение — это посвящение в новое сообщество. Тебя принимают в новое сообщество.

И это тело Христа здесь, на земле. Но это не личный опыт для этого ребенка, потому что он верил в крещение младенцев, как и Лютер. Это не личный опыт, но это опыт для общества.

Итак, вся община свидетельствует и обещает воспитывать этого ребенка в вере и т. д. Но это своего рода посвящение. Помогает ли это в плане... Да.

Итак, если вы из пресвитерианского бэкграунда, если вы из кальвинистского бэкграунда, возможно, вас крестили в младенчестве. Может быть, в конце курса

мы сможем узнать, откуда вы все пришли с точки зрения вашего бэкграунда, были ли вы крещены и так далее. Есть еще вопросы о церкви? Хорошо.

Ну, где-то на жизненном пути вам придется поговорить о предопределении. Это с Жаном Кальвином, поэтому мы сделаем это здесь. Итак, предопределение, как мы будем говорить о доктрине предопределения для Кальвина? Нам нужно многое сказать об этом, прежде чем мы перейдем к доктрине двух царств.

Хорошо. Итак, прежде чем мы начнем, я разделю класс пополам. Вы просто сидите там, где вы есть.

И мне нужно вынести суждение здесь. Я не знаю. Я думаю, что я вынесу это суждение, потому что на этой стороне есть две прекрасные женщины.

Итак, давайте разделим класс пополам. И затем я просто хочу объяснить это. А затем я продолжу объяснять его учение о предопределении.

Этот класс разделен пополам. Хорошо. С этой стороны вы, ребята, были предопределены Богом еще до начала времен, до творения, чтобы быть спасенными и искупленными.

Вы, ребята, с другой стороны, были предопределены Богом до сотворения, чтобы быть проклятыми, потому что Кальвин верил в двойное избрание, как мы увидим. Так каким должно быть ваше отношение к этим людям, которые спасены и находятся в церкви? Каким должно быть ваше отношение? Ваше отношение должно быть таким: я рад, что Божья благодать действовала в их жизни таким прекрасным образом. Вы должны радоваться здесь.

Теперь, вы, вероятно, радуетесь? Нет, вы, вероятно, не будете радоваться в этой толпе. И также тот факт, что вы, вероятно, не будете радоваться, показывает, что Бог был прав, проклиная вас все время. Так что он был прав в своем избрании, потому что вы такие брюзги.

Итак, каким должно быть ваше отношение к этой группе? Каким должно быть ваше отношение? Если бы не благодать Божья, я бы пошел. Если бы не благодать Божья, я был бы здесь. Но по благодати Божьей вы были избраны. И ваше отношение также таково, когда вы смотрите на этих людей, которые избраны на проклятие, вы также понимаете, что все должны быть отправлены в ад.

Тот факт, что Бог искупил некоторых людей, является чудом. Так что давайте теперь соберем вас всех вместе снова, и давайте не будем делить класс здесь. Но это двойные выборы.

Итак, как мы собираемся взяться за это? Я собираюсь взяться за это, прежде всего, сделав три вводных замечания, которые важно принять во внимание. А затем мы попытаемся добраться до некоторых абсолютных характеристик его учения о предопределении. Итак, три вводных замечания.

Номер один, это не самая важная доктрина Кальвина. Вам не следует судить Жана Кальвина по его доктрине предопределения, потому что вы, скорее всего, с ней не согласитесь. Возможно, некоторые из вас согласны.

Я не знаю. Но вы, вероятно, с этим не согласитесь. Но вы не должны судить Кальвина по этой доктрине.

Эта доктрина действительно глубоко зарыта в Институте. Вам придется прочитать сотни страниц, прежде чем вы дойдете до его доктрины избрания. Так что вам нужно это запомнить.

Это важно. Не судите Кальвина только по этой доктрине. Есть и другие замечательные доктрины и т. д.

Итак, это первое. Хорошо. Второе, на что вы хотите обратить внимание, это то, что это называется двойным избранием, потому что святой Августин верил в предопределение.

Мартин Лютер верил в предопределение. Однако они верили в предопределение, в избрание тех, кто будет спасен. Так что это было своего рода единое предопределение.

Левые были предоставлены сами себе в каком-то смысле. У них не было этой острой идеи двойного избрания, которая была у Кальвина. И вот появляется Кальвин, и он верит в Августина.

Он верит в Лютера. Но он сказал, что нам нужно это заострить. Нам нужно определить это более четко, более библейски.

Итак, он верит в двойное избрание, а не только в избрание Августина или Лютера. Так что нам нужно это принять к сведению. Хорошо.

И третье, что нам нужно отметить, это то, что в этой доктрине Кальвин действительно верит, что он защищает честь Бога и свободу Бога. Он защищает, если вы хотите использовать это слово, он защищает честь Бога, и он защищает свободу Бога, когда говорит о предопределении. Хорошо.

Сказав эти три замечания, давайте просто скажем несколько слов о предопределении здесь. Во-первых, Кальвин — идеальный пример того, кто был избран до начала мира. У него есть идеальный пример.

И кто этот идеальный пример? Иисус Христос. Христос — идеальный пример избрания. Итак, у нас есть кто-то прямо перед глазами.

Он сказал, что Христос — зеркало избрания. Так что, если вы собираетесь верить в предопределение, вам не нужно далеко ходить. Просто посмотрите на Христа, потому что он — зеркало избрания.

И вот тут-то все и началось. Итак, еще одна вещь, которую мы хотим отметить в этой доктрине, это то, как избрание связано с верой. Это становится очень важным для Жана Кальвина. Как избрание связано с верой? Ну, во-первых, человек избирается, а затем Бог дает ему дар веры, чтобы принять это избрание.

Итак, как выборы связаны с верой? Сначала выборы, а затем следует вера как дар от Бога. Так что, по мнению Кальвина, не у всех была вера в то, что они могли верить в Бога и в то, что Бог делает. Нет.

Единственный человек, у которого есть вера, это тот, кто избран и может принять избрание, дарованное ему Богом. Так что избрание — это дар, и вера — это тоже дар. Так что эти две вещи очень похожи, они как бы идут вместе для Кальвина.

Хорошо, еще одна вещь, которую мы должны просто принять во внимание, это сама доктрина. Какова связь между избранием и добрыми делами? Ну, для Кальвина избрание не имеет ничего общего с добрыми делами. Любой, кто избран, и я больше не буду указывать на эту сторону класса, потому что мы собираем вас всех вместе как добрых святых Бога, но любой, кто избран, он не избран своими добрыми делами.

Бог избирает их по своей суверенной воле. Он не избирает их за то, что они делают добрые дела, за то, что они хорошие люди или что-то в этом роде. Теперь, когда они будут избраны, да благословит вас Бог, и за этим избранием последуют добрые дела.

Они захотят делать добрые дела, потому что они дети Божьи, но они не делают добрые дела, чтобы найти Бога. Теперь, это место, где Кальвин действительно довольно жестко нападал на всю систему покаяния в Римско-католической церкви, потому что он чувствовал, что вся эта система покаяния была своего рода добрыми делами, когда люди делали добрые дела, чтобы найти Бога или остаться в милости Божьей или что-то в этом роде. Кальвину это не нравится.

Он не думает, что он этим доволен. Так что выборы и добрые дела идут вместе, но они идут вместе в результате. Добрые дела следуют за вашими выборами.

Еще один вопрос для Кальвина в плане доктрины, а именно, можете ли вы быть уверены, что вы дитя Божье? Можете ли вы быть уверены, что вы один из избранных? Он выразит это на своем языке. И ответ на это: да, можете. Вы можете быть уверены, и тогда ответ был через свидетельство Святого Духа.

Любой верующий может иметь уверенность через свидетельство Святого Духа. Так что доктрина избрания, в некотором смысле для Кальвина, была в том, чтобы дать людям доктрину уверенности, или не доктрину уверенности, а дать людям чувство уверенности в том, что они действительно дети Божьи. Это часть причины доктрины.

Теперь вернемся к тому, что мы сказали ранее. Какой был один из видов боевых кличей Реформации? Оправдание верой. А другой был чем? Это была уверенность.

Реформаторы были убеждены, что те средневековые римские католики, частью которых они были, они были убеждены, что у этих людей не было уверенности в том, что они дети Божьи. Кальвин хочет дать людям уверенность. Он хочет, чтобы они знали, что они избранники Божьи.

Итак, это свидетельство Святого Духа становится очень, очень важным. Хорошо, мы уже говорили об этом, но те люди, которые прокляты во всей этой доктрине, люди, которые прокляты, почему они прокляты? Они прокляты из-за своих грехов. Они прокляты, потому что они восстают против Бога.

Поскольку все человечество восстало против Бога, то факт в том, что все человечество должно быть проклято Богом. Тот факт, что он собирается избрать кого-либо для спасения, является фантастическим.

Это во славу его, что он собирается это сделать. Но Кальвин, во всей этой доктрине избрания, он втягивает всю историю о грехе и нашем бунте против Бога и нашем виде заслуживающего наказания Божьего и так далее. Мы все заслуживаем этого, но по благодати Божьей некоторые люди избраны к спасению, поэтому они его не имеют.

Хорошо, это еще одна вещь, которую мы должны принять во внимание. Все это предопределение — во славу Божию. Теперь, помните, что мы говорили, что он находился под влиянием номиналистов ранее, но мы помним номинализм и философию, и он находится под влиянием номиналистов в некотором роде.

Но с доктриной избрания он порывает с номинализмом. В каком месте он не соглашался с номиналистами? Вы помните тип теологических номиналистов и место, где он порывает с ними? И это будет здесь. Это проявится здесь, в доктрине избрания.

Ладно, просто повторю, единственное место, где он порывает с ними, это когда номиналисты учат, что воля Божья есть воля Божья, несмотря ни на что. Воля Божья есть воля Божья, и она правильна, что бы вы об этом ни думали. Это воля Божья.

И видите ли, Кальвин не согласился с этим. Он не видит этого в Библии. Он говорит, что воля Божья права, но мы знаем, что она права, потому что она исходит из справедливости.

Она исходит из милосердия. Она исходит из любви. Так что Божья воля проявляется в этих путях для Кальвина.

Итак, он не скажет, как сказал номиналист, что воля Божья — это воля Божья. Это правильно, несмотря ни на что. Вам просто нужно в это верить, и нет, он этого не скажет.

Он скажет, что предопределение и избрание верны, потому что они демонстрируют справедливость Божию. Они демонстрируют любовь Божию. Они демонстрируют милость Божию в каком-то смысле.

Вот где он порывает с номиналистами. Он пытается быть более библейским в этом вопросе. Так что для Кальвина Бог не произволен.

Смотрите, у номиналистов был произвольный Бог. Бог делает то, что ему вздумается, и точка. Не задавайте никаких вопросов.

Своего рода произвольный Бог. Для Кальвина Бог не произволен. Это не что-то произвольное, что он делает.

Мы должны попытаться понять как можно больше о воле Бога здесь в плане избрания и предопределения, и мы не поймем всего. Но с другой стороны, мы не смиряемся с неким произволом в работе Бога. Нет, здесь происходит что-то, что мы должны попытаться понять, но мы не можем понять всего.

В этом нет никаких сомнений. Вы не можете понять всю волю Божию, когда дело касается выборов. Если вы попытаетесь понять все это, Кальвин назвал это пустыми домыслами.

Вы дойдете до точки пустых спекуляций, вы не сможете понять все это. Теперь, еще пара вещей здесь. Теперь, какова связь между избранием и предвидением? Потому что Бог знает все заранее, не так ли? Какова связь между избранием и предвидением? Ну, Кальвин считал важным поговорить об этом.

Для Кальвина выборы на первом месте. Выборы на первом месте. Он избирает тех, кто будет спасен.

Он избирает тех, кто должен погибнуть. И поскольку он это сделал, он заранее знает, кто будет спасен, а кто погибнет. Видите ли, некоторые люди пытаются иметь дело с этой доктриной, как будто Бог заранее знает, кто будет спасен, а кто погибнет, потому что он видит все в настоящем по их вере, и поэтому он избирает.

Итак, некоторые люди говорят, что предвидение идет первым, и поскольку он знает заранее, он избирает. Кальвин сказал, нет, это отсталый. Правильный способ понять это в том, что сначала идет избрание, и поскольку он избран сейчас, он знает заранее, потому что он уже сделал выбор до сотворения мира.

Теперь, последнее. Вы должны знать, что не все были довольны учением Кальвина об избрании. Были даже люди, которые верили в другие вещи, которым учил Кальвин, но они не были особенно довольны учением об избрании.

Вопрос в том, почему они не были счастливы? В чем были их проблемы с доктриной избрания? Хорошо, их было три. Итак, было три основных типа аргументов против этой доктрины, даже во времена Кальвина. Хорошо, первый из них представлен одним из последователей Кальвина, Теодором Безой.

Позвольте мне перейти к документ-камере. Первое, что это было второе поколение Безы после Кальвина, так что это своего рода реформатор третьего поколения. Это доктрина избрания Безы.

Обратите внимание на низ. Там говорится, что диаграмма Теодора Безы представляет логическую последовательность человеческого искупления, показывая божественные указы избрания, все на латыни, конечно. Вот, вот.

Теперь, просто взглянув на это, разве это похоже на простое пастырское, библейское понимание избрания, которое понял бы человек на скамье? Я так не думаю. Я так не думаю. Я думаю, что вам понадобится целая вечность, чтобы расшифровать это.

Но именно туда и пришла доктрина предопределения Кальвина. По иронии судьбы, Кальвин пытался держаться подальше от схоластики, а схоластика — это такой средневековый мир, который пытается все понять, знаете, сколько ангелов танцуют на кончике иглы, типа того. Пока он пытался держаться подальше от схоластики, его последователи объясняли эту доктрину очень, очень подробно.

И это не поможет человеку на скамье. Это не пастырское дело, чтобы помочь человеку на скамье; все написано на латыни и так далее. Так что это первое.

Кажется, что именно от чего Кальвин хотел держаться подальше, так это от схоластики, и именно от схоластики вляпались его люди, которые пытались защитить учение о предопределении. Так что попытка Байеса объяснить учение, похоже, становится намного более подробной, чем позволяет нам Библия, понимаете. Так что это прекрасный пример этого.

Это критика номер один. Хорошо, критика номер два Кальвина в его время по поводу доктрины заключается в том, что, хотя он думал, что доктрина дает людям много уверенности, на самом деле она вызывала противоположное. Это вызывало у людей много беспокойства, потому что люди всегда говорили, что люди избраны, чтобы быть спасенными. Люди избраны, чтобы быть проклятыми.

Может быть, я один из проклятых. Может быть, я не один из спасенных. Только Бог в конечном счёте знает.

Но теперь это не будет очень убедительным, если вы так считаете. Хорошо, теперь у нас есть хороший исторический пример этого, и это Мартин Лютер. Когда Мартин Лютер верил в доктрину предопределения, когда Мартин Лютер начал думать о доктрине предопределения относительно себя, это не дало ему никакой уверенности вообще.

Он действительно думал, что он один из проклятых. Так вот сам Лютер, который учил доктрине, не как Кальвин, потому что он не учил двойному избранию, но вот сам Лютер, который учил доктрине, и все же он чувствует, что он избран, чтобы быть проклятым. У Лютера нет никаких гарантий.

Теперь Лютер должен был найти Бога другими способами, но у Лютера не было никакой уверенности. Так что это вторая вещь, уверенность. Кальвин верил, что это поможет людям обрести уверенность, но это вызвало у многих людей много горя, вы знаете.

Хорошо, и третье. Третья критика, которая началась еще во времена Кальвина, была его рода: какое у вас понимание Бога, если вы пропагандируете двойное

избрание? Это ли Бог Библии? Люди начали задавать этот вопрос. Является ли Бог Библии Богом, который будет делать это, избирать людей для спасения, избирать людей для проклятия, не позволять им свободно отвечать и так далее? Итак, это действительно начало ставить под вопрос природу Бога, которую изображал Кальвин.

Итак, это были три типа ответов, которые пришли к Кальвину, и мы увидим, как эти ответы будут разыгрываться в следующем столетии, в 16 веке, 17 веке и 18 веке. Мы увидим, как они разыгрывались. Хорошо, такова доктрина предопределения.

Где-то, когда вы говорите о Кальвине, вы должны говорить об избрании. Это естественное место, чтобы сделать это, потому что он как бы отвечает на римско-католическое представление, которое не учило избранию, римско-католическое представление о том, что нужно делать лучшее, что ты можешь, что внутри тебя, и Бог спасет тебя, и так далее. Так что, есть вопросы по этому поводу? Позвольте мне просто закончить это и вернуться к ноутбуку, который мне понадобится.

Но есть ли вопросы по этому поводу, о том, где мы сейчас? У нас есть еще одно дело с Кальвином. Хорошо, еще одно последнее дело. Это учение Кальвина о двух царствах.

Хорошо, доктрина двух царств. И что мы здесь делаем? Хорошо, так что же такое два царства? Есть Царство Божие, и есть гражданский порядок, в котором мы живем. Итак, у вас есть Царство Божие, о котором Иисус сказал, вы знаете, в Евангелии от Марка в начале своего служения, приблизилось Царствие Божие.

Покайтесь и уверуйте в Евангелие. Итак, у вас есть Царство Божье. И затем, с другой стороны, у вас есть гражданское правительство, при котором вы живете.

Теперь каждый христианин живет в обоих этих царствах. Каждый христианин живет в царстве Божьем, с одной стороны, но также живет в повседневном царстве, царстве человечества, с другой стороны. Так что они, насколько это касалось Кальвина, это два разных царства.

Не следует путать эти два царства, царство Божие и царство человеческое. Бог — автор обоих царств, но не следует их путать. Хорошо, и была группа людей, которые их путали.

Они были известны как анабаптисты. Анабаптисты объединили эти два царства, и Царство Божье было этим, стало для анабаптистов гражданским правительством. И Кальвин говорит, что вы не должны путать эти два царства.

Нам нужно поговорить о Царстве Божьем. Нам нужно поговорить о Царстве человеческом. Оба царства установлены Богом, но если вы перепутаете эти царства, у вас будут проблемы.

Итак, Кальвин должен различать эти два царства. Теперь, чего Кальвин не хочет, когда дело касается царства человечества, когда вы живете в этом повседневном мире, живете под гражданским правительством, а он жил под гражданским правительством, чего он не хочет, так это крайнего подчинения гражданскому правительству. С одной стороны, вы не должны быть настолько подчинены гражданскому правительству, чтобы не вызывать их на порицание за их несправедливости.

Но с другой стороны, он не хочет анархии. Он также не хочет, чтобы все просто делали свое дело. Так что он пытался сделать? Я пытаюсь занять золотую середину.

Хорошо, теперь Царство Божие, я думаю, это довольно легко понять. Царство Божие, жизнь во Христе, тело Христово, церковь и ваша жизнь в церкви. Я не думаю, что нам нужно много говорить о Кальвине там в плане того, что он пытается там получить.

Но царство человечества, давайте тогда поговорим об этом. В основном, что касается его, мы будем говорить о гражданском правительстве. Мы будем говорить о гражданской жизни.

Мы поговорим о жизни в этом мире, в котором мы живем. Как я уже сказал, я не думаю, что нам нужно слишком много говорить о жизни в Царстве Божьем. Да благословит вас Бог в церкви и так далее.

Но я думаю, что очень важно говорить о жизни в мире, в котором мы живем, когда речь идет о Кальвине. Хорошо, во-первых, насколько он понимает, гражданское правительство имеет две основные функции. Теперь помните, он живет в другой день, нежели мы, в другом мире.

Однако гражданское правительство имеет две основные функции. Это гражданская функция поддержания общественного порядка. Так что это работа гражданского правительства.

Это не изменилось. Это верно, знаете ли, в западной культуре президент Соединенных Штатов должен поддерживать общественный порядок. И это то, что призвано делать гражданское правительство.

Ладно? Кто сжег Сервета на костре? Кальвин или гражданское правительство? Это было гражданское правительство. И по какой причине они это сделали?

Чтобы поддерживать общественный порядок. Потому что ересь была распадом общественного порядка.

Так что это важно помнить. Хорошо, это одно. Хорошо, теперь вторая функция правительства, насколько это касалось Кальвина, вторая функция правительства была религиозной функцией.

У правительства также есть религиозная функция. Это одна из причин, по которой Кальвина вернули в Женеву: помочь правительству разобраться с его религиозной функцией. Но в своей религиозной функции правительство должно защищать церковь и следить за тем, чтобы церковь не была осквернена богохульством или святотатством, святотатством или чем-то подобным.

Предполагается, что она будет поддерживать церковь. Это даже зашло так далеко, насколько это касается Кальвина, чтобы установить общественную структуру церкви. Хорошо, и как вы устанавливаете общественную структуру церкви? Вы делаете это, собирая налоги, строя здания и нанимая служащих.

Итак, и, вы знаете, во многих странах Европы, есть страны в Европе, которые все еще собирают налоги для поддержки общественных церквей, для строительства церквей, для найма служащих и так далее. Так что эта общественная функция очень важна. Мы не делаем этого в Америке, потому что у нас церковь отделена от государства по многим причинам.

Но у нас церковь отделена от государства, поэтому мы не строим церкви, не нанимаем служащих и не платим им зарплату в Америке. Но в том мире Кальвин чувствовал, что это было важно, и это перешло даже в современный мир. В Европе все еще есть страны, которые собирают налоги на строительство церквей и зарплату служащим.

Сейчас мы не думаем об этом в нашей культуре, но это все еще верно в Западной Европе в некоторых местах. Хорошо, так что, насколько он обеспокоен, это были две функции. Хорошо, вам нужен пятисекундный перерыв в понедельник.

Благослови ваши сердца, понедельник утром. Но мы можем это сделать. У кого-нибудь из вас есть занятия в 8 часов в понедельник утром? У вас есть, Рут, благослови ваши... Видите, разве это не хорошо? У вас есть занятия в 8 часов, в 9, в 10 часов.

К тому времени, как вы пойдете в часовню, у вас будет два занятия. Вы радуетесь этому. Но да, мы любим... У кого-нибудь еще есть занятия в 8 часов? У кого-нибудь? Нет? Ребята, никаких занятий в 8 часов? Ладно.

Ты здесь первый класс? Ладно, ладно. Дай пять секунд на растяжку, и отдых, и растяжка. Мы записываем наши периоды отдыха, Тед, или мы можем отработать их? Мы в порядке, чтобы отработать их.

Спасибо. Я ценю это. Трудно объяснить, что я даю людям, студентам, время на отдых.

Ладно, так у тебя все в порядке? Ладно. Теперь еще одно о царстве человечества. Было много того, что он называл гражданскими властями.

Были магистраты, князья, судьи, служители закона и т. д. Но во времена Кальвина было много гражданских властей. Конечно, это были не выборные власти.

Он живет не в демократии, не в той демократии, которую мы знаем. Так что вы не выбираете принцев. Они принцы в силу того, что родились в семьях.

И эти другие должности, вы знаете, даются людям вроде магистратов и т. д. Но вот что, я думаю, мы можем узнать. Он чувствовал, что Кальвин чувствовал, что вы должны; он чувствовал, что эти люди имели очень высокий статус.

И Кальвин чувствовал, что вы действительно должны чтить этих людей. Вы должны чтить гражданские власти. И когда, насколько это возможно, вы должны признавать, что эти люди работают по провидению Божьему.

Эти люди там по Божьему провидению. Бог поместил их туда. И он поместил их туда, чтобы они делали то, о чем мы говорили, поддерживали общественный порядок и выполняли религиозные функции и обязанности.

И если случайно, если случайно вы оказываетесь под гражданской властью, которая, Боже, благослови вас, которая не делает то, что она должна делать, то Кальвин говорит, что вы должны подчиняться, и вы должны страдать. Так что если вы находитесь под гражданской властью, которая довольно подлая, может быть, или что-то в этом роде, то вы все равно должны подчиняться этой власти, и вы все равно должны страдать под этой властью. Есть уроки, которые нужно извлечь.

Теперь у Кэлвина странный способ закончить Институты, потому что в конце Институты он говорит, что придут Мстители и позаботятся об этом человеке. Но я не знаю, что он имеет в виду. Так что, ладно.

Итак, но место, которое он отводит политикам, если вы хотите использовать этот термин, он отводит им очень высокий статус, потому что они там по Божьему провидению. Теперь я немного беспокоюсь о месте, которое мы

отводим политикам, потому что разве мы не склонны часто принижать политиков и людей на государственной службе? Разве мы не склонны? Нет ли здесь случайно студентов-политологов? Разве мы не склонны принижать их, высмеивать и унижать, этих людей на государственной службе? Ну, Кальвин не имел бы к этому никакого отношения. Кальвин считал, что они там по Божьему провидению, и поэтому вы должны относиться к ним с большим уважением.

Но в наше время, в наш век, я думаю, это немного по-другому. В любом случае, я думаю, что, возможно, мы можем немного поучиться у Кэлвина. Хорошо, вот еще пара вещей по этому поводу.

Кальвин допускал справедливые войны. Он допускал справедливые войны. Он здесь хороший августинец.

Он верит как Августин и верит как Лютер. Он позволяет правительству быть жестоким. Он допускает справедливые войны, если это означает, что это необходимо для поддержания общественного порядка.

Итак, Кальвин не был пацифистом. В то время были и другие люди, которые были пацифистами, но Кальвин не был пацифистом. Хорошо, и затем еще одна последняя вещь, которую мы упомянем о наших отношениях с гражданским правительством, гражданским правительством.

Если бы был выбор, который нужно было сделать между гражданским правительством и законом Божьим, и ранние христиане должны были сделать этот выбор, если бы был такой выбор, который нужно было сделать, вы всегда следовали бы закону Божьему. Так что, если случайно есть выбор, вы всегда следуете закону Божьему, и затем вы должны быть готовы страдать за следование закону Божьему. Но это не выбор, который можно сделать.

Если они навязывают вам выбор, то выбора нет. Вы всегда следуете закону Божьему. Он всегда имеет приоритет над гражданским законом, если вы чувствуете в совести, что не можете следовать гражданскому закону.

Итак, два царства живут в обоих царствах по благодати Божьей. Мы живем в Царстве Небесном. Церковь свидетельствует об этом для Кальвина, но мы также живем в этом повседневном мире, и мы должны действовать как хорошие граждане в этом повседневном мире и осознавать, что все эти вещи совершаются по провидению Божьему.

Хорошо, вот это доктрина двух царств. Давайте посмотрим, сможем ли мы поговорить о Жане Кальвине несколько минут здесь, а затем перейдем к следующей лекции. Что-нибудь из жизни этого Кальвина, работы Кальвина,

теологии Кальвина, что-нибудь обо всем этом, о чем мы говорили с Жаном Кальвином? Он пытается ответить средневековой римско-католической церкви.

Он пытается быть верным Реформации, начатой такими людьми, как Лютер. Он часто пытается занять промежуточную позицию в аргументах, которые возникают во время Реформации. Но есть ли что-то, что до сих пор остается для вас загадкой в Кальвине? Вы верите во все это? Вы верите в то, чему учил Кальвин? Итак, являются ли эти доктрины основными? Для этого курса, если бы у нас был целый курс по Кальвину, мы бы, очевидно, смогли углубиться в них.

Но для этого курса я стараюсь выбирать те, которые действительно говорят о его времени. И поэтому я думаю, что это его основные доктрины, но они также говорят о его времени, отвечают Римско-католической церкви и так далее. Вот почему я выбрал именно их.

Это не исчерпывает все его доктрины, но дает вам основные моменты его основных доктрин. И учебник, который вы используете, делает это тоже. Все, что здесь о... Он тратит много времени, чтобы обсудить каждую из них в институтах.

А что-нибудь еще, Кэлвин? Нет? Мы обязательно поговорим о нем подробнее в пятницу за завтраком. Джон Кэлвин. Хорошо.

Ну, если что-то придет в голову, дайте знать. Мы собираемся прийти на лекцию номер три. По крайней мере, мы сможем начать.

Лекция третья. И эта лекция — ответ Римско-католической церкви на Реформацию. Ответ Римско-католической церкви на Реформацию.

Мне нужно изменить PowerPoint. Этот ответ Римско-католической церкви на Реформацию часто называют Контрреформацией или Католической Реформацией. Так что эти две вещи являются синонимами.

Это называется Контрреформация или Католическая Реформация. Хорошо? Теперь, если вы просто быстро посмотрите на ваш план, то я собираюсь сделать с этим три вещи. Я просто упомяну инквизицию.

Я собираюсь упомянуть иезуитов Общества Иисуса. И в-третьих, я собираюсь упомянуть Тридентский собор, чтобы увидеть, как Римско-католическая церковь отреагировала на Реформацию. Хорошо.

Итак, почему я выбрал эти три вещи? И как я собираюсь управлять этими тремя вещами? То, что я делаю с этими тремя вещами, это переход от более инстинктивного ответа на Реформацию со стороны Римско-католической

церкви, инквизиции, к немного более взвешенному ответу с основанием Общества Иисуса, к гораздо более взвешенному ответу, Тридентскому собору, который занял 18 лет. Итак, имеет ли это смысл? Мы переходим от инстинктивного, типа убийства протестантов, к более управляемому, Обществу Иисуса, к гораздо более успокаивающему на 18 лет, чтобы выяснить, как мы собираемся реагировать на Реформацию. Так что вот в этом направлении мы и движемся.

Итак, что мы сделаем, сначала возьмем Инквизицию. Хорошо, Инквизиция. Давайте сначала дадим определение Инквизиции.

Инквизиция — это трибунал, учрежденный Папой для борьбы с ересью. Вот определение инквизиции. Трибунал был учрежден Папой для борьбы с ересью.

Вот как мы опишем инквизицию. Хорошо, теперь это был Григорий IX, и это времена, когда он правил, или это был Папа с 1227 по 1241 год. Это был Григорий IX, который создал то, что он назвал Комиссией инквизиции.

Хорошо, теперь, если вы посмотрите на эти даты, это когда он был Папой. Если вы просто посмотрите на эти даты на минуту, вы скажете, подождите минутку, это за пару сотен лет до Реформации. Что здесь происходит с Комиссией инквизиции до Реформации? Ну, на самом деле, была предреформация.

Реформация началась не с Мартина Лютера. Она началась не с Кальвина. Была предреформация, и в Римско-католической церкви происходило много вещей, которыми Папа был очень, очень недоволен, потому что он чувствовал, что это бросает вызов Римско-католической церкви.

Итак, Григорий IX решил, что я собираюсь создать Комиссию инквизиции и учредить ее для борьбы с ересью. Так что ересь уже есть, или, я бы сказал, то, что он считал еретическим, уже есть. Так что Комиссия существовала до того времени, о котором мы говорим, до Реформации.

Ладно. Хорошо. Теперь позвольте мне просто рассказать вам об их методе, методе, который использовали эти люди, когда они отправились туда, чтобы попытаться выяснить, есть ли в городе еретики.

Метод Инквизиции Комиссии был таков. Он состоял из трех частей, или трех аспектов. Итак, Комиссия Инквизиции приезжала в ваш город.

Ладно. Первое, что они сделают, это созовут всех горожан. Будет своего рода торжественное собрание, созывающее всех вместе.

Хорошо. И на этом торжественном собрании они, в некотором смысле, сказали бы: мы знаем, что в этом городе есть еретики. Поэтому мы дадим вам время признаться, что вы еретик.

И если вы признаетесь в этом прямо сейчас, прямо здесь, прямо сейчас, ваше наказание будет легким. Так что это заняло пару недель, две, три, четыре недели. Но это первый шаг Комиссии инквизиции, чтобы начать.

И, конечно, это вселило страх в сердца всех в городе, понимаете. Так что, ладно. Ладно.

Затем, шаг номер два. Шаг номер два — в конце этого периода провести систематический поиск по всему городу и попытаться разобраться с людьми, которых вы считаете еретиками. Хорошо.

И это произошло немного позже. Мы не можем полностью винить Григория IX за это, потому что это произошло только в 1252 году. Но в 1252 году пытки были разрешены.

Итак, когда вы идете по городу и пытаетесь выяснить, кто эти еретики, пытки были разрешены Римско-католической церковью. Вы могли фактически пытаться людей, чтобы они признались, что они еретики. Так что это своего рода второй шаг.

И тогда все, что вам нужно, это два свидетеля того, что этот человек еретик, и этого достаточно, чтобы осудить этого человека. Так что это шаг номер два, действительно выяснить, кто еретики в городе. Итак, хорошо.

Вот это шаг номер два. Хорошо. Теперь шаг номер три — это передача еретиков государству.

Церковь будет сжигать еретиков на костре? Нет, это не работа церкви. Это работа государства — сжигать еретиков на костре, потому что работа государства — защищать, знаете ли, общественную жизнь, а еретики представляют угрозу общественной жизни. Поэтому вы передаете еретиков государственным чиновникам, и государственные чиновники делают одно из двух.

Либо их сжигали на костре, как мы видели, как Сервета сжигали на костре в Женеве пару сотен лет спустя, либо их объявляли еретиками, но подвергали другим видам наказания, таким как избиения и т. д., публичные избиения. Так что есть две вещи, есть два способа сделать это. Но это стало методом инквизиции.

Хорошо, это стало очень, очень важным. Хорошо, теперь позвольте мне просто упомянуть, что у меня, вероятно, не будет времени на приход Климента VII, а это даты, когда Климент VII был Папой. Позвольте мне просто упомянуть Климента VII, а затем я сделаю несколько объявлений, но вот появляется Климент VII.

Обратите внимание на его даты в сравнении с Григорием IX. Мы говорим о паре сотен лет спустя, почти 300 лет спустя. Произошло то, что пришел Климент VII, и инквизиция зачухла.

Инквизиция затихла за эти 300 лет. Но обратите внимание, что когда появляется Климент VII, он появляется во времена Реформации. Поэтому Климент VII затем возобновляет Инквизицию.

Он как бы возвращает инквизицию к жизни. И нам придется поговорить об этом в среду. Спасибо.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 6 по теологии Кальвина.